

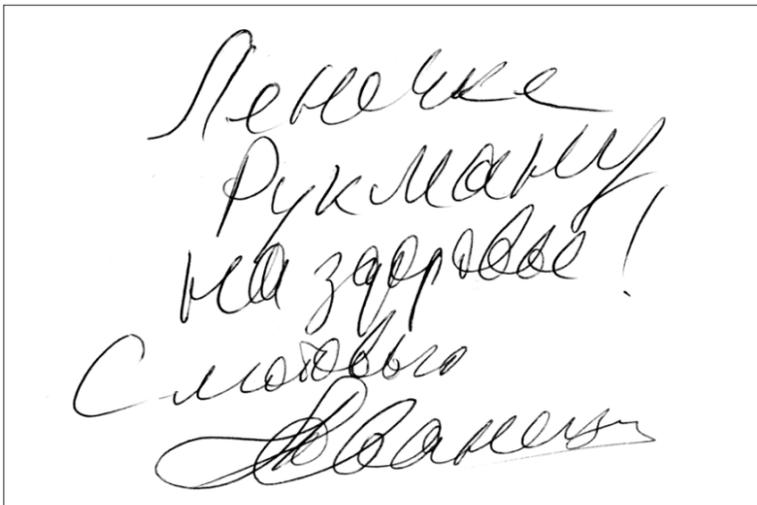
Нам остается помнить...

Леонид Рукман, член Президентского совета ВКО:

Хочу рассказать о человеческих качествах этого Великого человека, уход которого поселил невыразимую печаль в моем сердце и в душе каждого, кто его знал.

Было это в далеком 2011 году. К тому времени я уже в течение 10 лет «тянул ляжку» в должности директора Всемирного клуба одесситов. У меня возникли серьезные проблемы с коленными суставами. Я рассматривал возможность, по настоятельному совету врачей, радикально решить этот вопрос – обязательно сделать замену коленных суставов. Но сумма, которую нужно было заплатить за сами суставы (немецкие молибденовые) и операцию, были для меня неподъемными. Поэтому я уже было решил заниматься лечением суставов, понимая всю бессмысленность этого занятия.

И вот в один из дней возвращался я из Клуба домой и прошел уже большую часть пути, как вдруг возле меня останавливается машина, из которой меня окликают Мих. Мих. с предложением подвез-

ти меня домой. Оказывается, что Михаил Михайлович заехал в Клуб с намерением застать меня, и, узнав, что я, с трудом передвигаясь, «пошкандыбал» домой, тут же направился за мной. Быть может, он сам понял или кто-то ему рассказал о моих проблемах, но это было точно не я. Одним словом, подъехав к дому, Жванецкий протянул мне запечатанный конверт и сказал, чтобы я не отказывал-

ся, и что это часть средств на операцию. Видя мое смущение, он добавил: «Мне нужен здоровый директор Клуба».

Конверт я храню до сих пор. Пришлось все же сделать две операции, так как я понял, что вернуть деньги Жванецкому мне не удастся.

Память и сердце мое полны добрыми и светлыми воспоминаниями об этом достойном человеке и гениальном мастере...

Евгений Деменок, писатель, коллекционер, член Президентского совета ВКО:

Михаил Михайлович плохо запоминал молодых. Нет, моя фамилия была ему, конечно, знакома – всё-таки моя мама работала в Филармонии и даже пару месяцев нянчила его сына Митю – но лишь спустя пару лет после нашего знакомства он начал четко меня идентифицировать.

– Деменок?

– Точно, Михал Михалыч!

Это, конечно, было маленьким чудом. Трудно представить, какое количество народу встречал он еженедельно. И все ведь хотели выделиться, запомниться.

Казалось, он был в нашей жизни всегда. Я вырос со Жванецким. Его цитировали родители, их друзья, его показывали по телевизору, мы ходили на его концерты, афиши с его именем висели в Одессе месяцами, даже после концертов их никто не снимал, это казалось кощунственным. Лет в двадцать пять, записывая жизненные цели и набрасывая планы, я написал: «Познакомиться со Жванецким». Он казался тогда далёким, недоступным небожителем. Спустя пятнадцать лет стал небожителем близким. Я слушал его много раз – и когда он читал только что написанное в Клубе одесситов, и на вечеринках у друзей, и на обязательных мартовских концертах в Музкомедии или в Оперном.

Сейчас я понимаю, что его присутствие было всеобъемлющим и потому незаметным. Его фразы становились нашими мыслями, и казалось естественным то, что Жванецкий всегда был, есть и будет. Ну восходит же каждое утро солнце. Каждое лето будет приезжать в Одессу, открывать «Зелёную волну», принимать новых членов в Клуб одесситов, читать в узком кругу свои новые произведения...

Пытаюсь вспомнить теперь, когда мы в последний раз виделись. Вспомнил – это было прошлым летом, на очередном Одесском кинофестивале. Он сидел тогда в Оперном театре в первом ряду, рядом с Катрин Денёв. Их в этот день награждали специальными призами.

А до этого, в том же 2019-м, виделись дважды подолгу. Пятнадцатого февраля он выступал в Праге, в театре «Nuberna», уютный зал которого был набит зрителями под завязку. Выступать Михаилу Михайловичу было некомфортно – сверху сильно дуло, и он то надевал свою кепку, то снимал её, пил горячий чай, менял место на сцене, но упрямо «шёл на повышение», увеличивая градус выступления, и зал почти сразу настроился на ту же волну, хохоча и аплодируя. Михал Михалыч рассказывал о своей работе в порту, и я замирал от восторга, потому что так и не смог в нём поработать, хотя окончил тот же самый Водный институт, правда, тридцать пять лет спустя, но наш преподаватель информатики не устал напоминать нам, что кроме нас, балбесов, он в своё время учил и

Жванецкого. Потом мы пригласили его с Наташей и Олегом Сташкевичем на ужин в отличный ресторан итальянской кухни нашего земляка Юрия Колесника. И все были счастливы, но Михал Михалыч признался, что для него нет ничего лучше еды его детства – котлет, борща, а вино он предпочитает водку. Он был уставшим, любой из нас был бы уставшим, если бы ему довелось выступать почти два часа перед полным залом в восемьдесят четыре года; это, конечно, шутка, единицы способны поддерживать такую работоспособность столько лет подряд. Сохранять такую остроту ума, не фальшивить, не снижать уровень. Он всегда был эталоном хорошего вкуса. Я признался тогда Олегу Сташкевичу, что не представляю, как можно в таком возрасте разъезжать по миру с гастролями, давая при этом концерты в двух отделениях. Олег ответил, что они с Михаилом Михайловичем выработали особый график – три концерта в месяц, не больше и не меньше. «Если он выступает реже, начинается сильно волноваться; если чаще, сильно устаёт».

А через месяц, в конце марта, была встреча в Одессе, в Аркадии, на юбилее у Валерия Исааковича Хаита. У Михаила Михайловича за три недели до этого тоже был юбилей, восемьдесят пять, и на его выступлении в Оперном был аншлаг. Все понимали, что он устал, но не бывало, пожалуй, случая, чтобы он в компании друзей не прочитал или не рассказал что-нибудь. Он всегда начинал потихоньку, а потом, чувствуя восхищение и энергию поддержки, продолжал с всё большим воодушевлением. Мы ловили каждое слово – он рассказывал о встрече с Бродским, о том, как Михаил Барышников дал ему денег на первый «Мерседес», о том, как он звонил Высоцкому, и тот помогал уговорить несговорчивую барышню... Хорошо, что мы сейчас можем всё это записать на телефоны и потом, спустя годы, пересматривать.

Михаил Михайлович выступал в Одессе и в ноябре, а потом неожиданно приехал на Новый год – и мы страшно жалели, что отмечаем его в Праге, а не вместе с ним в ресторане «Дача». «Ну ничего», – думали мы, – «в следующий раз обязательно».

Следующего раза не будет.

Выступления, концерты, общение с публикой были ему необходимы. Они давали ему жизненную энергию. Но... началась пандемия. Карантин. И у него словно отняли жизненный смысл. Да, можно продолжать писать... Но этого оказалось недостаточно.

В начале июня я говорил с Олегом Сташкевичем. И узнал от него состоянии Михаила Михайловича. Две недели назад написал Олегу, попросил, чтобы Михаил Михайлович написал несколько слов ко дню рождения Евгения Михайловича Голубовского, как он уже делал по моей просьбе девять лет назад.

Олег не ответил.

Теперь я понимаю, почему.

Сейчас в Фейсбуке – целый шквал признаний в любви. Каждый замечает, отмечает в нём и его творчестве что-то своё, важное для себя. Пишут о том, что он сформировал стиль мышления нескольких поколений. О том, что он первым осмысливал проблемы, и, высмеивая их, помогал нам их пережить. О том, что он является составной частью русского языка, и сейчас только его творчество будет переосмысливаться как творчество большого, великого писателя универсального диапазона – такого, как Фонвизин или Салтыков-Щедрин.

Всё это правда.

А для меня главным всегда было то, что, осознавая свой талант, он всегда понимал, что дан он свыше, является чудом, и самое главное – зная себе цену, не допускать самолюбования. И постоянно выверял свой внутренний камертон – не сфальшивил ли.

Нам остается помнить...

В Театре миниатюр. 1981 г.
Фото Игоря Гранковского

Юрий Рост, фотограф, журналист.

Он жил мучительно радостной жизнью. Он бродил среди нас, постоянно отлучаясь. Хотел примкнуть к успешным: к собратям по перу, по сцене, по жизни, пытаюсь убедиться, что он первый в своем деле. Переживал, нервничал, болел. Он наслаждался своим даром и стеснялся его. Называл себя «автором», чтобы самодостаточная пишущая элита часом не определила его в литературный амфитеатр вместо литературного партера, которого, чувствовал, достоин.

Бодрил и шутил с внимательными глазами, ожидая оценки. Мог осунуться и надолго заскучать в ответ на доброжелательную, а может, и восхищенную реплику безусловного писателя: «Ты, Миша, – жанр!». Значит, не приняли в свои, исключили, определили другой сорт – вне привлекательного ряда.

Да ты, Миша, и вправду, вне ряда.

Те, кто, не читая, охотно принимает твое самоотречение – «автор», – сделаны порой и неплохо, но из другого материала. Не дефицитного.

Ты даже не чужой им. Ты стоишь вне нынешнего ранжира, и потому коллеги не могут определить тебе место среди себя. Ты – другой.

Каждое время, Миша, обходится – при обилии хороших поэтов, прозаиков и драма-

тургов – лишь одним писателем, наделенным даром иронического, сатирического и парадоксального, а следовательно – правдивого осмысления людей и нравов.

Ты в этом ряду.

У Гоголя было свое время. У Салтыкова-Щедрина – свое. У Зощенко – свое. У тебя – наше. Ты жадный, Миша. Тебе мало провинциальных городов, где из всех окон неся записанный на магнитофоны твой игривый тенорек – тогда. И миллионов зрителей и слушателей с восторгом и настороженностью наблюдающих публично, мгновенное рождение слова – сейчас.

Тебе хотелось, чтобы герои, которым ты определяешь точное место и безошибочное направление, куда бы двигаться от нас, аплодировали тебе и осыпали благодарностями? Если бы это произошло, и они не узнали себя – ты был бы неточен. А ты был точен безупречно.

Ты жил, как привык, – мучаясь.

Я открываю твои книги не для того, чтобы услышать тебя, а чтобы увидеть себя. Ты очень много знаешь про нас. Непоправимо много. Непростительно. С твоими текстами жизнь не становится лучше. Без них – хуже. Прости нас. Ты нужен нам как живой ориентир, как узкая тропа тверди в топком болоте, как одинокое дерево. Иной раз в цвету.

Александр Бирштейн, писатель, член ВКО:

Знаете, я ведь молился на него. Гении бывают разные. Злые, добрые... Он был теплым гением. Мудрым и очень добрым. Он даже высмеивал, жалея. Он любил всех нас. Не только его одноклубников. Всех, понимаете.

Владислава Ильинская, поэт:

На скоростях, на которых приходится существовать, чтобы не сойти с ума в мире, где все меняется каждую долю секунды, невероятно ценной является способность остановиться и прислушаться к окружающей действительности – будь то пение птицы за окном или шорох страниц книги, которую ты автоматически перелистываешь. Именно этому – не листать свою жизнь автоматически, проживать, как бы то ни было трудно, каждую ее секунду – со всей болью и радостью, не оглядываясь на тех, кто слаб, чтобы справиться, кто завидует и злорадствует, – учил Михаил Михайлович одним теплым, добрым, кротким взглядом. Я рада тому, что успела познакомиться с этим невероятным человеком. Сегодня от нас ушла даже не эпоха – совесть поколения, грустно и бессильно наблюдавшая весь этот бардак вокруг.

Спите спокойно, Михаил Михайлович. Без вас будет намного тяжелее, но мы постараемся не унывать, продолжать жить и верить в то, что наши попытки очеловечиться принесут свои плоды.

Время скорбный счёт ведёт потерям.
Свет коптит, висит на волоске.
Человек со стареньким портфелем
Отбывает в небо налегке...
Отдежурил по стране убогой,
Выпестовал улочки, дворы,
Отшутил пропащий век у Бога,
В вечность вышел, дверь не затворив...
По нему листами золотыми
Рукописи леса отшуршат...
Вычерпана совести во имя
До небесных доньшек душа...
Коротка, дописана до точки
Жизнь-тетрадка, подвела черту...
Мудрости рассеянной листочки
Чьи-то руки ловят на лету...
Ирина Юрчук

Непреходящие ценности: Море и Жванецкий...

Григорий Барац, директор Всемирного клуба одесситов:

Как они похожи! Синие глаза, синее море. Непокойное спокойствие.

Море словно заснуло, едва шевелясь у самого края песочного ложа. Дремлют на внешнем рейде почти невидимые корабли в ожидании своей очереди входа в порт.

Жванецкий умиротворен. Удивлен собственным состоянием отдыха, который считает бездельем.

– Не пишется, понимаешь не пишется, – досадует Михалыч. – Второй день вожу ручкой по бумаге, не оставляя на ней мысли, – смеется он.

Небольшой столик на пятаках, покрытый белой скатертью, постепенно заполняется одесской закуской.

– Одесская еда! – восклицает он, воздевая руки к небу. Он, искушенный гурман, испробовавший, пожалуй, кухни всех континентов и всех народов, не перестает радоваться глядя на тютючку-береговушку, проглядывающую сквозь белые луковые колечки, разноцветную мозаику запеченных на мангале овощей: сочные кругляши желтой и

розовой микады, зеленые и пурпурные стрелы болгарского перца, в белых пятнышках синенькие, как в Одессе называют баклажаны.

Украшение стола – салат из пахнущих степью и морем помидоров и огурцов, нарезанных крупными дольками, смешанными с полукольцами белого салатного лука, – почти весь утонул в соусе и потому подан в глубоких пиалах.

– Какая прелесть, – восторгается и по-детски радуется Жванецкий этому незатейливому кулинарному блюду, – он же по ватер-линию залит овощной юшкой. Есть салат ложкой – это только у нас! Тост, обязательно тост! Это есть без тоста нельзя!

Верный соратник, незаменимый партнер, а главное – заботливый друг Олег Сташкевич предлагает поднять бокалы за здоровье Михалыча, за то, чтобы он чутко прислушивался к себе и не переутомлялся.

Сколько здравниц и пожеланий слышал Жванецкий в свой адрес, но тень смущения все равно скрыть не может.

Тут же переключает внимание, предлагая тосты за Наташу – жену, самого дорогого ему человека, за Иру неоценимую помощницу и подругу. И, чтобы окончательно отвести внимание от себя, предлагает выбрать что-нибудь на горячее.

– Даже ставридка уступает барабульке в кляре, – произносит он, смакуя названия рыбешек.

Его детская неподдельная искренность позволяет видеть невидимое, удивляться обыденному, восторгаться и находить чудесное, что скрыто ординарному взгляду.

Несколько секунд он следит за ребятами, играющими на узкой полоске пляжа.

– Дети на песке становятся совсем другими, – задумчиво произносит он, – видимо не опасаются ушибиться. Вглядываясь в сумеречный горизонт, он подгоняет заходящее солнце: – Вот, вот, еще немного и будут видны огоньки кораблей на рейде. И они, словно услышав голос человека, не раз смеявшегося над сильными мира сего, послуш-

но зажигаются, становясь все ярче и ярче.

– Это же надо, чтобы нам так повезло – родиться на берегу такого удовольствия, – неподдельно удивляется он, обхватывая расставленными руками лежащее у его ног море.

В спокойствии моря кроется потенциальная сила шторма. В бездельничаньи Жванецкого накопление идей, впечатлений, находок

– для новых открытий.

Чувствую себя все время должником этого удивительной прозорливости человека. Ловлю себя на том, что пользуюсь его фразами, его мыслями. Масштаб писателя Михаила Жванецкого носит глобальный, мировоззренческий характер. Не верю своему счастью, что могу называть его «Мишенька» и поправить плед на его плече.

Август 2019 года.